

Е. П. Высоцкая

АРИСТОКРАТ

Александр Петрович Молявко-Высоцкий

Поздним вечером 26 июня 1941 года в квартиру инженера Молявко-Высоцкого вошли люди в штатском и вручили постановление об аресте. Хозяин не удивился неожиданным гостям. Пока визитёры методично осматривали комнату за комнатой, выворачивая на пол содержимое ящиков и тщательно перетряхивая книги, Александр Петрович, прикрыв глаза рукой, сидел, казалась, спокойный и безучастный. Ареста он ждал давно, возможно, с того момента, когда в 1919 году, чудом добравшись до Новороссийска, принял решение вернуться в занятый большевиками Ростов.

Александр Петрович Молявко-Высоцкий происходил из семьи, в которой дворянские корни переплелись с демократическими традициями. Предки его проживали в Новгороде-Северском Черниговской губернии. К роду деда, Самона Фёдоровича Молявко-Высоцкого, признанного в потомственном дворянстве определением Черниговского Депутатского Дворянского Собрания, был также сопричислен и его отец Пётр Самонович. [1. С. 146]. Окончив Императорскую Медико-хирургическую академию и защитив диссертацию на звание доктора медицинских наук, П. С. Молявко-Высоцкий (1857–1920) прошёл путь от лекаря до помощника главного врача Семеновского-Александровского военного госпиталя в Петрограде [2,3]. Опытный хирург, он пользовался авторитетом среди сослуживцев за безукоризненную честность и принципиальность, имел чин действительного статского советника и награды за безупречную службу: Владимира IV степени, Анну II и III степеней, Станислава II степени. Мать Неонила Александровна, в девичестве Дьячкова (1857–1922) происходила из дворян Казанской губернии. Благодаря целеустремленности и настойчивости ей посчастливилось стать

одной из первых русских женщин, которые получили высшее медицинское образование. Энергичная и решительная барышня поступила на курсы сестёр милосердия, по окончании которых отправилась в 1877 году добровольцем на Балканскую войну. Вернувшись с полей боевых действий с медалью «За участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 г.» [4], она поступила на Высшие медицинские женские курсы при Медико-хирургической академии и завершила образование в 1885 году, получив звание «женщина-врач» [3]. Через год она уже заведовала III медицинским участком Псковского уезда.

В 1897 году на базе Императорского института экспериментальной медицины была создана «Особая комиссия для предупреждения занесения чумной заразы и борьбы с нею в случае ее появления в России» под председательством принца А. П. Ольденбургского. Местом для проведения работ по выработке вакцины против чумы был выбран форт «Императора Александра I», расположенный Финском заливе в 4 километрах от Кронштадта. Лаборатория была прекрасно оборудована. Материальную поддержку проекта обеспечивал министр финансов С. Ю. Витте. В форте соблюдались строгие меры безопасности. Но даже тщательные предосторожности не смогли уберечь от вспышек чумы в 1904 и 1907 годах, повлекших за собой гибель исследователей. За 25 лет работы лаборатории усилиями специалистов было выработано, изготовлено и отпущено миллионы кубических сантиметров вакцин и сывороток против тифа, чумы, холеры, столбняка и скарлатины. Применение на практике произведенных в лаборатории препаратов позволило предупредить эпидемии чумы, холеры и тифа по всей Российской империи. Среди врачей, которые, несмотря на смертельно опасный риск, прошли в «Чумном форте» курсы по вакцинации населения была Н. А. Молявко-Высоцкая.

Более двадцати лет прослужила Неонила Александровна земским врачом. Её участок в Псковском уезде включал 648 населённых пунктов (более 84 тысяч человек). В жару, в стужу, в распутицу, по ухабистым просёлкам, нередко проезжая по сорок вёрст, хрупкая «маявчиха», как называли её крестьяне, спешила на помощь пациентам. Знания и опытные руки вылечили тысячи больных, подарили жизнь сотням новорождённых. Сталкиваясь ежедневно с бедностью и несправед-

ливостью, она не могла оставаться в стороне. За открытое высказывание революционно-демократических убеждений член Общества Псковских Врачей, председатель Псковского Союза Земских служащих врач Молявко-Высоцкая в разгар революционных событий 1905 года была арестована. Только заступничество коллег помогло ей выйти на свободу. Службу свою Неонила Александровна совмещала с воспитанием детей: помимо старшего Александра в семье росли Елена, Нина и Пётр.

истории и литературе, но и самостоятельности мышления. С особого разрешения министра просвещения на I курс были зачислены 165 человек, успешно выдержавших конкурсные испытания [5]. Однако время не способствовало служению наукам. Революционные события наложили отпечаток на график занятий, к тому же большинство студентов участвовало в демонстрациях и забастовках. В юности, как и в зрелом возрасте, Александр Петрович не имел интереса к политической жизни, а потому пламенным революционным порывам однокашников предпочёл серьёзные занятия по специальности.

После закрытия в 1905 году института на «революционный» перерыв он отправился в Бельгию учиться на инженерно-строительном отделении Гентского университета. Жизнерадостные толпы студентов наполняли улицы Гента, самого крупного после Парижа средневекового города Европы, молодостью и задором. Готическая строгость колоколен спорила с вычурным ажуром собора Святого Николая, а суровым стенам городских построек бросали вызов яркие краски соборных витражей и цветочные поля за городом. Примеры архитектурных стилей, о которых преподаватели говорили на лекциях, можно было видеть вдоль набережных городских каналов, а мастерство Ван Эйка, Рубенса и Босха учащиеся познавали в музеях и галереях. Весёлый, галантный и романтичный Александр легко влился в студенческое братство. Сказка, о которой юноша мог только мечтать в провинциально-тихом Пскове и на революционных проспектах Петербурга! Он с энтузиазмом погрузился в бурную европейскую студенческую жизнь: кутежи в уютных погребках, любовные интрижки, танцы, фехтование и даже дуэли... За восемь лет, проведённых вдали от дома, Александр окончил архитектурный и мостостроительный факультеты. Несмотря на способности к точным наукам, Высоцкий был по натуре художником и всегда считал, что именно творческая интуиция делает архитектуру искусством. В пример приводил одарённых мастеров прошлого, которые, ведомые чутьём, опровергали стереотипы и на основе смелых инженерных конструкции создавали удивительные по красоте произведения. Настоящим его увлечением стала геральдика, наука, вышедшая из средневековья и соединившая в себе искусство, историю и традиции. Она как нельзя более подходила духу Молявко-Высоцкого, ценившего с юности благородство, честь и красоту. Поэтому помимо технических дисциплин молодой Высоцкий прослушал и полный курс геральдики.

В 1912 году Молявко-Высоцкий вернулся в Петербург с бельгийским дипломом инженера. Специалисты его уровня были востребованы на многих производствах: сначала он устроился в правление Акционерного Общества Либавских железнодорожных и сталелитейных заводов, затем поступил на Адмиралтейский судостроительный завод [6]. Своё увлечение оставлять не собирался, напротив, с энтузиазмом стал собирать коллекцию геральдических эмблем и изучать гербы родов польского происхождения: Гадземба-Высоцких, Огон-Высоцких, Стремя-Высоцких и других. Итогом исследований стал составленный по правилам геральдики родовой герб Молявко-Высоцких, который его отец Пётр Самонович послал для рассмотрения и утверждения Гербовым Отделением Третьего Департамента Правительствующего Сената. «В серебряном щите чёрное опрокинутое

стропило, сопровождаемое сверху чёрною орлиною головою с золотым клювом и червлёным языком; щит увенчан дворянским коронованным шлемом; в нашлемнике три страусовых пера, из коих среднее – чёрное, а крайние – серебряные; намёт серебряный, положенный чернью. И девиз: ДА-ЖЕ ЕСЛИ ОДИН, на серебряной ленте чёрными буквами» [1. С. 147]. Герб дворян Молявко-Высоцких был утверждён по указу Временного Правительства и по определению Правительствующего Сената от 1 июня 1917 года [7], за четыре месяца до начала событий, изменивших ход истории.

Весной 1917 года Александр Петрович обвенчался с Ниной Константиновной Кондратович. Молодые познакомились на одном из петроградских вечеров. Будущая избранница происходила из родовой семьи польско-литовского происхождения: корни Кондратовичей уходили в Речь Посполитую. Впервые представители фамилии упоминались в 1540 году: «род Кондратовичей всегда был привержен к Престолу Польских королей и занимал почётные и военные должности» [8. С. 41]. Девиз Кондратовичей герба Сырокомля говорил об их твёрдости, решительности и неподкупности: «ЗОЛОТО ОТДАЁМ ЗОЛОТУ, ЖЕЛЕЗО ОСТАВЛЯЕМ СЕБЕ». В начале XX века семья Нины Кондратович проживала в Ростове-на-Дону: отец Константин Александрович, коллежский советник, доктор медицины, был известным в городе терапевтом. Младшая дочь Нина окончила Женские курсы новых языков Бобрищевой-Пушкиной в Петрограде и для совершенствования знаний французского прожила год в Гренобле. Милая барышня, в своей простоте и естественности не похожая на салонных кокеток, очаровала Александра Петровича: вскоре после знакомства он сделал ей предложение.

Поздравить новобрачных из Ростова приехала многочисленная родня. Радостное событие слегка омрачилось дурным предзнаменованием: во время венчания у невесты от пламени свечи возгорелась фата. После венчания гуляли весело и шумно у родственника невесты, генерал-лейтенанта М. И. Павлова, на Литейном. Одним из гостей был только что назначенный во Временное правительство министр просвещения А. А. Мануйлов, дядя Нины Кондратович. Несмотря на тревожные предчувствия, в тот счастливый день никто не думал о грядущих трудностях. Светлым мечтам новобрачных и оптимистичным ожиданиям министра нового правительства не суждено было осуществиться. Колесо истории катилось навстречу лишениям и страданиям. В следующие месяцы революционный вал накрыл Петроград, и тот, кто хотел уберечься, спешно двинулся из мятежного города на юг России. Вместе с другими жителями северной столицы, опасавшимися за своё будущее, в нелегкий путь пустилась и молодая чета.

Путешествие на Дон поздней осенью 1917 года никак не походило на комфортные поездки в пульмановских вагонах. Составы были переполнены петроградцами, в панике покидающими колыбель революции: солдатами-дезертирами, спекулянтами, нагружёнными мешками. Грязь, теснота, мат, сизый махорочный дым, иногда выстрелы... Интеллигентная пара из Петрограда вызывала у попутчиков насмешки, раздражение, порой злобу. Несмотря на беременность, молодая жена на всём протяжении долгого пути проявляла мужество и собранность.

По пятам за беженцами катился революционный вал, и когда в один из поздних ноябрьских дней 1917 года Молявко-Высоцкие, наконец, вступили на перрон ростовского вокзала, в воздухе уже пахло тревогой. Город, как перед грозой, замер в ожидании шторма. Через пару дней в Ростове установилось двоевластие. 29 января 1918 года в Новочеркасске застрелился атаман Каледин, в феврале из парамоновского особняка на Пушкинской генерал Корнилов повёл свою крохотную мужественную армию в Ледяной поход.

С вокзала Высоцкие отправились на квартиру Константина Александровича Кондратовича в дом № 21 на Малом проспекте, где в большой семье родственников молодой жены супругам предстояло прожить годы Гражданской войны, НЭПа и послереволюционных преобразований. На первый раз новой большевистской власти не удалось закрепиться в Ростове: весной 1918-го Добровольческая армия вернулась из Ледяного похода. Красные части отошли на север.

В марте у Нины Константиновны и Александра Петровича родилась дочка Нина. Сила и энергия молодости настраивали на оптимизм. Город воспрянул духом, улицы наполнились, загалдели. В сентябре в Ростове открылось новое высшее учебное заведение – Донской археологический институт. Александр Петрович с радостью откликнулся на предоставленный ему шанс прочесть курс геральдики, и подготовил цикл лекций. При написании конспекта он использовал научные традиции русских геральдистов, в том числе Ю. В. Арсеньева и В. К. Лукомского, ещё продолжавшего в начале двадцатых работу Департамента Герольдии, и знания, полученные в Генте [9. С. 57]. Новый курс не повторял наработок предшественников: он был ориентирован на французский опыт и отличался самостоятельностью взглядов. Так, объединяя понятия герба и эмблемы, Высоцкий считал, что геральдика зародилась во времена звукового письма, на тысячелетия раньше, чем утверждала официальная наука. Русская геральдика, по его мнению, сочетала в себе личное (аналогично европейской) и родовое (характерно для польской) начала. Прочитанные в 1918–1919 годах лекции [10] включали шесть разделов: определение геральдики как предмета курса, её история в Европе, искусство геральдики, геральдика польская, украинская, русская. Каждая часть делилась на подглавы, которые подробно раскрывали её суть. Так, раздел «Искусство геральди-

ки» включал подразделы: Правила геральдики; Щит; Шлем; Короны; Нашлемники; Цвета; Геральдический язык; Девизы; Родовые драгоценные камни и планеты, покровительствующие фамилиям; Фигуры геральдические (стропила, кресты и др.) и негеральдические (одушевлённые предметы и знаки, неодушевлённые, сказочные существа). Молявко-Высоцкий прослеживал историю развития эмблем и гербов и на других континентах. Материал, посвящённый девизам, базировался на малодоступных для отечественной науки данных. Прирождённый рисовальщик, свои конспекты Александр Петрович сопровождал красочными иллюстрациями, которые сделали бы честь любому художественному изданию.

В сентябре 1919 года умер от ран, полученных на Гражданской войне, старший брат Нины Константиновны Александр. К этому моменту военно-политическая ситуация на юге изменилась: Добровольческая армия, дошедшая с боями до Орла, стала отступать назад. В Ростов прибывали беженцы со всей Центральной России: обыватели, спешившие в безопасные места, офицеры, отступавшие под натиском Красных частей. Каждый день перед громадной картой, выставленной в витрине магазина «Проводник» на углу Большой Садовой и Таганрогского проспекта, собиралась толпа, с тревогой следившая, как линия фронта змеёй сползала всё ближе. Будущее пугало неизвестностью, грядущими расправами. На семейном совете Молявко-Высоцкие решили эвакуироваться, оставив дочку с бабушкой. Об эмиграции не думали – верили, что отступление Белой армии носит временный характер. Конечно, можно было бы не пускаться в опасное путешествие, а рискнуть и переждать. В биографии Молявко-Высоцкого, кроме дворянского происхождения, не было «опасных» страниц. Но, по-видимому, сказалось общее паническое настроение. Высоцкие двинулись сначала в сторону Екатеринодара, потом в Новороссийск. Им удалось уцелеть в повсеместно царившем хаосе, избежать опасностей, тифа, большевистских кордонов и добраться невредимыми до порта, где на приколе стоял бельгийский пароход. Александру Петровичу досталось два билета. Все, кто окончил высшие учебные заведения в Бельгии, автоматически могли стать бельгийскими подданными. Тогда перед Молявко-Высоцкими и встал драматический выбор: или они эмигрируют в Европу и, возможно, никогда не увидят свою дочь, или вернуться в большевистский Ростов. Высоцкие остались в России.

Среди массы беженцев и офицеров, скопившихся в Новороссийске в ожидании отплывающих кораблей, Нина Константиновна отыскала младшего брата Алексея, больного возвратным тифом. Пережив освобождение города от белых, втроём, сквозь встречное течение отступающих и бегущих, они пустились в обратный путь. К концу марта 1920 года Молявко-Высоцкие по железной дороге и на подводах, обойдя кордоны и заставы, добрались до Батайска, и оттуда пешком – до Малаго проспекта в Ростове. Семья воссоединилась. Жизнь предстояло строить заново в жёстких условиях военного коммунизма.

С приходом новой власти лавки и магазины стояли закрытыми, в холодных комнатах только что народившихся бесчисленных советских учреждений суетились в тёплых шапках и пальто полуголодные служащие. Выдаваемого в миллионных купюрах месячного жалования хватало лишь на то, чтобы купить на базаре 2–3 килограмма хлеба. Иногда, правда, государство «баловало» своих служащих, и они получали паёк: соль, спички и фунт «шрапнели» или, другими словами, серого мыла. Тем, кому не удалось устроиться на работу в государственные учреждения, приходилось потуже затягивать пояса и нести на Сенной базар уцелевшее добро. В гости ходили со своим сахаринном, пили морковный чай, курили махорку и мечтали попариться в бане, так как бани, подобно фабрикам, заводам и мастерским, тоже бездействовали. Квартиры ростовчане отапливали купленным за баснословные деньги кизяком или скатанными из угольной пыли катушками – «штыбами». Нагретые буржуйками комнаты быстро остывали, и по утрам изо рта жильцов шёл пар. Тяжесть домашних забот легла на плечи хозяек, мужчины пытались зарабатывать на пропитание. Александр Петрович поступил на службу в Управление по шлюзованию Дона, переименованное новой властью в «Донводострой». Костяк этого учреждения, расположенного в особняке купца Дутикова на Большом проспекте, составляли старые инженеры-путейцы, считавшиеся в царские времена настоящими аристократами среди других инженеров. Поэтому, несмотря на надзирающего за служащими комиссара-матроса, дух в «Донводострое» царил отнюдь не революционный. Служащие на работу ходили исправно, но о шлюзовании Дона в эти непростые годы речь, естественно, не шла. Александр Петрович был угнетён царившим в учреждении бездействием, но не терял оптимизма. Нина Константиновна вела хозяйство и посильно поддерживала бюджет семьи, иногда проводя на толкучке успешные коммерческие операции.

В 1922 году семья Высоцких увеличилась. Татьяна родилась слабой и болезненной девочкой: треволения последних лет и скудное питание мамы сказались на её здоровье. Вместе с улыбкой новорождённой в семье Молявко-Высоцких забрезжил свет лучшей жизни. В России наступала пора НЭПа.

Из пустого мёртвого города Ростов, подобно фениксу, за короткий срок превратился опять в торговую столицу Дона с магазинами, заполненными товарами, с улицами, запруженными толпой, с женщинами в блестящих нарядах, с переполненными театрами и ярмарками. Всё застучало, завертелось, заработало: ростовчане откликнулись на лозунг французской буржуазной революции:

«Обогащайтесь!». Советская власть поняла важность интеллектуального труда и особенно работы инженеров. Выросшая зарплата Александра Петровича дала возможность не только покупать хлеб, но и жить вполне прилично. Благодаря безупречному вкусу и знанию истории он собрал в двух комнатах квартиры на Малом коллекцию фарфора и бронзы, несколько ценных живописных полотен, хорошую библиотеку. Однажды в Таганроге Александр Петрович зашёл в бывший Дворец Александра I и так поразил зрителя эрудицией, что тот сделал Высоцкому царский подарок – фарфоровое кашпо с императорским вензелем!

Летом Высоцкие с детьми и друзьями выезжали на «курорт» – в рыбацкий посёлок «Морская» на берегу Азовского моря. После череды жестоких и мрачных лет мазанки, крытые соломой, скромный песчаный пляж, просмоленные рыбацьи баркасы на берегу и бродящие между отдыхающими коровы казались райским местом, где, растянувшись под ласковым солнцем, можно было расслабиться и впервые отдохнуть... Зимой в Ростове Молявко-Высоцкие бывали в театрах, посещали друзей и знакомых, принимали у себя. Один из таких романтических ужинов надолго запомнился гостям – при мерцании свечей, водружённых в тяжёлые старинные канделябры, и аккомпанемент английских нортоновских часов, игравших мелодию из «Вильгельма Телля». Подтянутый, изящно одетый, с приятным лицом русского аристократа, Молявко-Высоцкий умел завоевывать симпатии; в любой компании он с первых минут овладевал вниманием собеседников: блистал остроумием, шутками, экспромтами и каламбурами, был галантен с дамами, безупречно вежлив с друзьями и коллегами.

Вместе с приятелями Высоцкие создали общественную библиотеку на дому. Со всех желающих собирался ежемесячный взнос, на которые приобретались книги. Семейный бюджет не позволял тратить деньги на обнови, но и тут нашлось достойное решение. Визитка Александра Петровича была переделана в пиджак, а свадебный наряд Нины Константиновны выкрашен в чёрный цвет и перешит в выходное платье. Высоцкие старались поддерживать семейные традиции. К Рождеству взрослые вместе с детьми делали ёлочные игрушки: корзиночки с цветами из папиросной бумаги, Пьеро и Арлекинов из яичных скорлупок, красили сусальным золотом грецкие орехи. На обед в Сочельник, который начинался с первой звездой, готовили пирожки с грибами, пшеничную кутью и взвар. 22 марта, в день весны, пекли из теста «жаворонков». В Страстной четверг торжественно несли домой из церкви зажжённую свечу, для чего Александр Петрович склеил из цветной бумаги и картона фонарик в виде готического храма. На Пасху куличи пекли в русской печи, в подвале дома на Малом. Высотой куличи иногда бывали до полуметра, и, чтобы не сломались, до начала праздничного застолья их клали бочком на подушку. Всей семьёй ходили к Пасхальной заутрене. Местом новой работы Молявко-Высоцкого стало Промбюро, учреждение, выполняющее функции министерства промышленности Северного Кавказа. Историю и геральдику Александр Петрович не забывал. Несмотря на то, что Донской археологический институт закрылся в 1922 году, Высоцкий подготовил работы «Геральдика и экономика» и «Отражение осады Пскова Стефаном Баторием в польской геральдике» [10]. Чтобы привлечь внимание советской исторической науки к гербам, Александр Петрович написал реферат «О происхождении геральдических эмблем» – продолжение курса, читанного в Донском археологическом. Однако шансов выжить в условиях нового времени у «буржуазной» науки оставалось всё меньше, и знания в этой области становились лишними. Александр Петрович заинтересовался археологическими раскопками и написал статьи «Прошлое Области Войска Донского и остатки старины» и «О печати Всевеликого Войска Донского».

В сентябре 1928 года родился долгожданный сын. Мальчика назвали Петром. После нескольких лет хождений по кабинетам чиновников и жёсткого режима экономии семейных средств удалось получить собственную квартиру во «Втором инженерном доме» по адресу Пушкинская, 111/113, на пятом этаже; с балкона открывался вид на бульвар и городской сад. Цвет для каждой комнаты Александр Петрович подбирал как человек, в совершенстве владеющий основами колористики: гостиная сделалась терракотовой, столовая – бутылочно-зелёной, спальня покрашена в лилово-розовый цвет, именуемый французским словом «мов», комната девочек – в апельсиновый. Коллекция фарфора, картины, книги – всё нашло своё место. В кабинете встал могучий книжный шкаф, а со стены следила мудрым взглядом Екатерина II, писанная, как предполагал Александр Петрович, в XVIII веке французом Морисом де Ла Туром. Гостиную украшали горка, наполненная «гарднером», и кокетливая «Купальщица» русского живописца Неффа. Вольтер саркастически улыбался с высоты пузатого, с тяжёлыми львиными лапами бюро, а бронзовый лебедь на консоли из красного дерева наслаждался красотой бронзовой Леды.

В компании приятелей и друзей Александр Петрович слыл эрудитом и непревзойдённым знатоком истории деталей. Его интересовали не события, перевернувшие мир, а мелкие исторические подробности, обычаи и нравы, то, что, в конечном счёте, создает аромат любой эпохи. Он любил обращаться за справкой к многотомному французскому энциклопедическому словарю Лярусса [11], и, если речь заходила, например, о марках шампанских вин или приёмах фехтования, сразу доставал нужный том. В литературе Высоцкий ценил утончённость и остроумие, из русских авто-

ров выделял Лескова, из французов – Прево. В театре комедиям из купеческой жизни Островского предпочитал изысканную «Принцессу Турандот».

Своих детей Александр Петрович хотел видеть интеллигентными и воспитанными. В письмах дочерям в Москву он писал: «Надо делать различие между «знать» и «уметь». Можно знать прекрасно все приёмы фехтования и плохо фехтовать. Необходимо ещё приобрести навык, привычку. То же самое и с воспитанием. Существуют теоретически воспитанные люди, которым надо думать, прежде чем решить, как вести себя в различных обстоятельствах. Существуют другие, для которых поступать невоспитанно невозможно. Поведение получается у них естественно. Они ведут себя так, как француз говорит по-французски, иначе они не могут. Не следует при входе пожилой дамы думать о том, что надо встать и уступить ей место. Надо, чтобы вам в её присутствии стало неудобно сидеть, как если бы стул стал неудобным. Тогда вы встанете естественно, как будто вам надоело сидеть, и никто не должен догадаться, что вы сделали это нарочно.

Главный принцип, из которого, как частные случаи, вытекают отдельные поступки, – возможно больше придавать значение другим и возможно меньше себе. Никогда не делать ничего, что было бы кому-то из окружающих неприятно. Не шуметь – может быть, кто-либо отдыхает, не кричать на лестнице – в какой-нибудь квартире может быть спящий или больной человек ... и т. д.

Держаться просто, никогда не разыгрывать из себя аристократов... Истинным аристократам никогда в голову не приходило подчёркивать своё превосходство. Они считали последнее настолько естественным, что не было необходимости давать это почувствовать. Человека, который держится с достоинством, никому в голову не придёт похлопать по плечу. Просто не явится такого желания. Настроение в обществе должно быть добродушным. Приветливая улыбка должна сохраняться даже при плохом настроении и озабоченности. Добродушное остроумие не должно граничить с язвительностью, с ядовитым злословием.

Не надо никого ставить в неловкое положение. Если кто-то скажет глупость – не подчёркивайте этого. Чужой неловкости не замечать. Поменьше говорить о недостатках других, не говорить о только что вышедших из комнаты. Ведь вы сами часто бываете в таком положении. С почтением относитесь к старшим, особенно к родственникам. Замечайте, что делается кругом. В разгаре интересного разговора вы должны заметить, что на другом конце стола кому-то понадобилась соль, стоящая около вас.

Ведите за общим столом только общий разговор (кроме мелких реплик соседу). Кавалер должен занимать даму разговором, но дама должна давать “тему” для разговора и уметь прекратить разговор на нежелательную для неё тему. Поменьше задавайте вопросов. Каждый вопрос слегка напоминает судебное следствие. Особенно избегайте нескромных вопросов.

Особенно скромным надо быть по отношению к чужим (не вам адресованным) письмам. Воспитанному человеку легче вскрыть себе живот, чтобы посмотреть свои внутренности, чем вскрыть чужое письмо. Не проявляйте никогда ревности. Ревнующий сильно теряет, тем более как ему следовало бы выигрывать.

Никогда не проявляйте зависти. Это унижает. Кланяйтесь знакомым с приветливой улыбкой и не считайтесь рангом (кому кланяться первому). Первый кланяется всегда наиболее воспитанный, т.е. вы. Приноравливайтесь к обычаям других. Если вы в гостях у кубанских казаков, у которых едят только после 9-го приглашения, ждите девятого приглашения...».

Не в этих ли несложных истинах заключалась загадка обаяния самого Александра Петровича?

В политике, как и прежде, он не разделял взгляды большевиков и отличал монархию за благородство, честь и чувство долга, без которых, по его мнению, общество неизбежно скатывалось в грубый материализм и духовную ограниченность. Как и раньше, Высоцкий увлекался геральдикой и в свободные вечера работал над книгой «Вступление к семейной хронике Моляво-Высоцких и Сырокомля-Кондратовичей» [12].

Нелёгкие времена настали в начале 30-х. Коллективизация сопровождалась неурожаем. Раскулачивание, массовые высылки в Сибирь, аресты и расстрелы... Голод пробрался и в город. Магазины опустели. Заструились унылые «хлебные» очереди: народ часами простаивал в ожидании выдаваемых по карточкам пайков хлебного суррогата. Горожане отворачивались от протянутых за подаванием исхудавших рук крестьян, добредших в последней надежде до города. Деньги обесценились. Опять закипела жизнь на толкучке, где в удачный день можно было совершить выгодный обмен и взамен постельного белья и одежды вернуться домой с пакетом крупы или муки. Опять ростовчане устремились к Торгсинам в надежде сдать серебряные ложечки и обручальные кольца.

Как и большинство ростовчан, Нина Константиновна пыталась обменять вещи на продукты и лекарства – детей было трое, средняя дочь часто болела. В середине 30-х Александр Петрович, служивший помощником директора по научной части в ЧерКавНИСе (Черноморско-Кавказская научно-исследовательская станция строительства, стройматериалов), лишился работы. Такой поворот событий легко было ожидать. Моляво-Высоцкий был всегда чужой для советской власти – утончённый аристократ, не скрывающий своего критического отношения к политике партии, острый на язык, любящий шутки и анекдоты, которым новый строй часто давал повод. Атмосфера всеоб-

щего страха, вызванная жестокими репрессиями, подталкивала наиболее «сознательных» граждан к доносам на соседей и сослуживцев. Одно из высказываний Александра Петровича «доброжелатели» передали в соответствующие органы, и Высоцкого обвинили в политическом уклоне, исключили из профсоюза. Он лишился служебного места и с минуты на минуту ждал ареста.

Все усилия найти новое место службы, напечатать статью или заметку обречены были на провал. Вокруг образовался вакуум: Александр Петрович стал кандидатом на Садовую, 33 [13]. Однако на первый раз обошлось.

Нина Константиновна устроилась на службу делопроизводителем в Облздрав, стала сдавать комнату жильцам и экономила на мелочах, ведя борьбу с базарными ценами. Семье удалось выстоять и на этот раз. Через некоторое время ситуация стала улучшаться. Александр Петрович, благодаря помощи Комиссии содействия учёным, опубликовал несколько научно-технических статей, его восстановили в профсоюзе, он снова получил место.

Круг инженерных интересов Высоцкого был необычайно широк: свойства строительных растворов и особенности кладки, возможности бетонирования в зимних условиях, водонепроницаемость бетонных и каменных плотин, окраска и освещение помещений, применение вулканического пепла в строительстве, техника безопасности на деревообрабатывающих предприятиях; он читал курс архитектурно-строительного черчения, выпустил монографию, посвящённую диагностике повреждённых зданий. В 1938 году по совокупности научных работ (около сорока), без защиты диссертации, Молявко-Высоцкому присвоили степень кандидата технических наук. В последние предвоенные годы он занимал должность руководителя заочных курсов по технике безопасности в Научно-Инженерном Техническом Обществе (НИТО) строителей [6]. Старшие дочери, окончив школу, уехали учиться в Москву. Петя рос весёлым и шаловливым, иногда заставлял родителей не на шутку волноваться.

Наступил 1941-й. События развивались стремительно, и не только на линии военных действий. Через несколько дней после объявления войны Александра Петровича Молявко-Высоцкого арестовали. Арест основывался на показаниях свидетелей: «придерживаясь старых взглядов, вёл антипатриотичные разговоры, высоко ценил старую интеллигенцию и отзывался о советской интеллигенции как невоспитанной и малообразованной». Некоторые коллеги характеризовали Молявко-Высоцкого как человека «враждебно настроенного к советской власти, её идеологическом враге», не были забыты и «контрреволюционные анекдоты» [6].

Допросы арестованного велись с пристрастием и в основном по ночам. Александр Петрович держался спокойно и достойно: на абсурдные обвинения давал обстоятельные разъяснения, чем, вероятно, выводил из себя следователя. После нескольких недель работы с арестованным обвинения свелись к нескольким пунктам, из которых самыми серьёзными были: 1. «Всегда страдая пережитками в области мышления, работал над неактуальным трудом «Влияние окраски комнат на человека» и научно доказывал, что окраска комнат в красный цвет вредно отражается на здоровье, тем самым игнорировал взгляды на конкретные требования в условиях социализма». 2. «Отрицательно отзывался о переименовании грузинских городов Тифлиса, Батума и Сухума в Тбилиси, Батуми и Сухими, чем выражал несогласие с действиями партии и правительства» [6]. И жирным красным карандашом через все страницы допросов: «происхождение – из дворян».

Органы безопасности были начеку и в критический для советской власти момент решительно защищали её от «скрытых врагов». Чуждый по духу Александр Петрович был как раз одним из тех, кто внушал системе тревогу.

Дело Молявко-Высоцкого до трибунала Северо-Кавказского военного округа не дошло. Через месяц после ареста Александр Петрович скончался в камере внутренней тюрьмы УН КГБ Ростовской области. Ещё через месяц родным выдали свидетельство о смерти, в котором причиной кончины последственного Молявко-Высоцкого значился паралич сердца. (В акте судебно-медицинского вскрытия зафиксирован кровоподтёк на теле и кровоизлияние в правой височной части мягких покровов головы [6].) Высоцкому было пятьдесят пять лет.

Годы войны стали ещё одним испытанием на мужество и стойкость для Нины Константиновны Молявко-Высоцкой. С сыном Петром они пережили тяжёлые минуты утраты мужа и отца, охваченную заревом взрывов ноябрьскую ночь перед первым захватом немцами Ростова, возвращение советских частей, лютую зиму 1941–42-го, рытьё противотанковых укреплений, дотов и дзотов вокруг города, бомбёжки, взятие Ростова немцами в июле 42-го, голод, страх, опять бомбёжки. Но, каждый раз собираясь под звуки воздушной тревоги в бомбоубежища, вместе с самым ценным Нина Константиновна всегда брала синюю картонную папку на завязочках, в которой любящей рукой были аккуратно собраны лекции, статьи и рисунки по геральдике Александра Петровича.

В июне 1945 года сын Пётр сдал в 49-й ростовской школе выпускные экзамены и поступил в Московское военно-инженерное училище. В 1946-м вместе с другими курсантами он участвовал в первомайском параде на Красной площади.

По окончании училища поступил в Военно-инженерную академию имени В. Куйбышева и окончил её в 1951 году в звании младшего лейтенанта с дипломом инженера-строителя по специальности «необоронительное строительство». Нина Константиновна поменяла квартиру в Ростове на комнату в многолюдной коммуналке в Москве, Большом Черкасском переулке, поближе к детям. Вместе с коллекцией фарфора, книгами и массивной мебелью екатерининских времён переезд в Москву совершила и синяя папка.

Хрущёвская оттепель давала надежду на справедливость. В 1956 году Нина Константиновна написала письмо в Управление государственной безопасности по Ростовской области с просьбой о пересмотре дела мужа. Ответ из военной прокуратуры СКВО процитировал Александр Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ»: «Ваш муж (Александр Петрович Молякко-Высоцкий) умер до суда и следствия, и поэтому реабилитирован быть не может» [14]. Следующую попытку Нина Константиновна предприняла в 1966 году. Но время покаяния ещё не наступило: ходатайство привело к возбуждению нового дела. Молякко-Высоцкую вызвали для допроса. В ту пору она уже несколько лет страдала полиартритом и передвигалась на костылях. Можно представить, чего стоили старой и больной женщине, помнившей сталинские времена, два часа на Лубянке! После тщательной проверки показаний свидетелей 1941 года, протоколов допроса обвиняемого, извлечённых на свет, и новых страниц допроса его жены, был вынесен вердикт: «Постановление УН КГБ по Ростовской области от 30. 7. 1941 года о прекращении дела Молякко-Высоцкого А. П. за смертью обвиняемого по ст. 4 п. 1 УПК РСФСР отменить и это же (новое. – Е. В.) дело прекратить за отсутствием события преступления по ст. 5 п. 1 УПК РСФСР. Дело сдать в архив» [6]. И только в 1991-м пришёл долгожданный ответ, подтверждающий факт реабилитации военной прокуратурой Северо-Кавказского военного округа «арестованного 27 июня 1941 года по обвинению в антисоветской агитации, направленной против мероприятий партии и Советского правительства и скончавшегося в процессе следствия во внутренней тюрьме УН КГБ Ростовской области Молякко-Высоцкого А. П.» [6]. Нина Константиновна этого письма не дождалась.

Перестройка изменила отношение общества к геральдике. Наконец, появилась возможность опубликовать рукописи Александра Петровича. Собранные и бережно сохранённые, они вышли в печати через 60 лет после смерти автора [10] и привлекли внимание специалистов. «В конце 1910-х – начале 1920-х годов геральдика входила в учебные планы археологических институтов и их филиалов. Материалы одного из таких курсов, читавшихся А. П. Молякко-Высоцким в Ростове, стали известны лишь недавно и оказались важным событием в современной геральдической историографии. А. П. Молякко-Высоцкий создал полную картину развития и бытия европейского геральдического пространства, чётко и точно охарактеризовал сферы научного использования гербов как источников. Лекции свидетельствовали о глубокой эрудиции автора, свободно владеющего обширным фактическим материалом» [9. С. 58].

А Пётр Александрович более двадцати пяти лет прослужил в военно-строительных управлениях Москвы, руководил строительством гражданских объектов, в их числе – жилые кварталы в Москве, Центральный военный клинический госпиталь имени А. А. Вишневского, аэропорт Шереметьево-I, лечебные и спальные корпуса санатория в Подмосковье. Предметом особой гордости Петра Александровича и всего коллектива, главным инженером которого он служил многие годы, была усадьба князей Юсуповых «Архангельское». Военные строители подарили новую жизнь одному из лучших памятников архитектуры Подмосковья. С энтузиазмом и любовью сотрудники управления реставрировали дворец, усыпальницу, театр «Гонзаго», павильон «Каприз», парк XVIII века. Благодаря их трудам в 70-е музей-усадьба принимала в летний сезон до полумиллиона посетителей [15]. Князь Н. Б. Юсупов, прославленный Пушкиным в «Послании к вельможе», мог бы гордиться работой советских военных специалистов. Особенно заботились строители о затейливо украшенной кокошниками небольшой приземистой церковке Архангела Михаила. Правда, не всё удалось сделать как хотелось. После реставрации в уютном белокаменном храме XVII века в «застойные» годы разместилась экспозиция древнерусской живописи музея «Архангельское». Вместо крестов из крытых лемехом луковиц торчали острые шпили. Зато как светились лица военных, когда в субботний день они с Петром Александровичем, заразившим их любовью к старине, стояли, сняв фуражки, на вечерне в скромном сельском храме мученика-воина Дмитрия Солунского в Подмосковье!

Пётр Александрович выступал с рационализаторскими идеями, его предложения отмечены свидетельствами ВДНХ СССР, он получил нагрудный значок «Отличник военного строительства» и многие медали. Высоцкий хорошо рисовал, разбирался в архитектуре и живописи. В молодые годы увлекался философскими идеями Толстого, в зрелые – историей Древней Руси, истоками христианства и иконописью. В редкие выходные с семьёй путешествовал по старинным русским городам; выйдя в отставку, мечтал серьёзно заняться историей и начать писать. Был поклонником молодого театра «Современник», всегда следил за новыми тенденциями в западной архитектуре.

На музыкально-поэтических вечерах в музее А. С. Пушкина на Пречистенке интеллигентные пожилые дамы радостно встречали импозантного полковника – любителя поэзии. В длинной шинели и каракулевой папаше Высоцкий-младший был похож на русского офицера с фотографии начала XX века, в тёмно-синем клубном пиджаке с блестящими пуговицами и стильным галстуком выглядел безупречным европейцем. Он сутками пропадал на службе, когда по требованию министра обороны надо было срочно сдавать объект, и обладал завидной способностью полностью отключаться от работы на отдыхе. Легко находил общий язык и с солдатом срочной службы, и с заместителем министра обороны. Встречался с маршалами Малиновским, Гречко, Устиновым, общался с высшим руководством страны на строительстве загородной правительственной резиденции «Завидово». Водители – солдаты срочной службы – были для него членами семьи. Отношения с ними Высоцкий поддерживал и после демобилизации. Однажды, уступив настойчивым приглашениям, он поехал с женой в отпуск на хутор к бывшему водителю в Закарпатье. Дорогую гостью из столицы принимала вся хлебосольная родня солдата. Чего только не было на столе – заливное из петушка, галушки в сале, грибы, плавающие в сметане, трёхлитровая бутылка самогона... Радужный хозяин время от времени выходил на дорогу, петляющую между хуторами, и, завидя повозку, энергично махал руками: «Заворачивайте к нам, у нас гости из Москвы!» Но и Высоцкий в долгу не остался: обойдя «высокие» кабинеты, добился решения семейной проблемы (был найден и возвращен сбежавший жених родной сестры солдата, офицер младших чинов, и патриархальная украинская семья спасена от позора).

В те годы, когда автомобиль в семье был редкостью, за Высоцким приходила служебная машина: в 60-х – зелёная «Победа», в 70-х – чёрная 21-я «Волга» с занавесками на окнах. Жители восьмизэтажного дома в новом районе Москвы гордились своим соседом так, как теперь гордятся знаменитыми футболистами или артистами. Когда Пётр Александрович ушёл из жизни, громче всех рыдала уборщица-татарка: за всю жизнь с ней никто так уважительно не разговаривал.

Его ценили сослуживцы, любили друзья: мягкий юмор, теплота, доброжелательность сочетались в нём с глубокой эрудицией и культурой. Приятели в шутку называли квартиру Петра Александровича «уголок русского дворянина»: пузатое бюро с львиными ногами, язвительный Вольтер на высоком пьедестале, каминные английские часы с боем, хрустальные бокалы, украшенные монограммой Николая II, «египетский» книжный шкаф с библиотекой, выгнутая спинка дивана из красного дерева... Во времена, когда москвичи заменяли старинную обстановку на современные минималистические гарнитуры, Молякко-Высоцкий отдавал предпочтение фамильным ценностям и XIX веку. Вечерами в уютной гостиной на 3-й улице Строителей в Москве за шестигранным столом под приглушённым светом низкого абажура часто собирались единомышленники. Слушали надрывно-хриплый голос знаменитого певца-однофамильца, рассказывали анекдоты, говорили о том, что вслух произносить в застойные времена не рекомендовалось. Память о сталинских годах была ещё жива, да и новое время наложило запрет на инакомыслие.

Когда в 70-е речь зашла о присвоении Высоцкому очередного звания полковника, начальство, на стол которого легло представление, было обескуражено. К сорока трём годам беспартийный Пётр Александрович имел звание подполковника-инженера Советской армии и занимал в соответствии с чином должность главного инженера Управления начальника работ. Долго уговаривали его стать членом КПСС: в перспективе видны были генеральские погоны. Но ради карьеры он считал для себя невозможным пойти на сделку с совестью. И тогда, по совокупности заслуг, беспартийному подполковнику Молякко-Высоцкому Приказом Министра обороны Союза ССР за № 0369 от 5 мая 1972 присвоили звание полковник-инженер Советской Армии. Единичный случай в послевоенной истории Вооружённых сил Советского Союза!

Через четыре года по дороге на службу Пётр Александрович, как всегда по субботам, заехал на могилу матери Нины Константиновны на Новодевичье. Неожиданно острая боль ударила в сердце. Спустя две недели он скончался в Главном военном клиническом госпитале имени Н. Н. Бурденко. Через месяц ему исполнилось бы сорок восемь. В бумагах, которые остались после его смерти, есть запись: «В сумерках, а может быть пасмурным днём, я, ещё совсем малышом, иду с мамой через базарную площадь, такую большую по моим годам. Толпа народу с запрокинутыми головами смотрит вверх, отчего на фоне низко ползущих туч огромный сине-зелёный купол собора (Ростовский кафедральный. – Е. В.), кажется, валится на сторону. На верёвке, привязанной к ажурному кресту, по куполу ползёт человек. В толпе крестятся, ахают. Я хочу посмотреть, но мама тянет меня за руку, стараясь оторвать от этого зрелища как от чего-то мерзкого, гнусного, что не следует показывать детям. Я безропотно иду за ней, беспрестанно оглядываясь то на маму, то на собор, казавшийся мне в ту пору самым огромным зданием в мире».

Любимой цитатой Петра Александровича были слова Ефима Дороша: «Чувство истории вмещает в себя нечто большее, нежели просто любовь к старине, оно является категорией нравственной, так как позволяет человеку ощущать себя наследником прошлого и сознавать свою ответственность перед будущим» [16].

ПРИМЕЧАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА

1. Дворянский календарь. Тетрадь 12. Спб. : Вирд, 2005. С. 146–152.
2. Центральный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 3. Д. 42196. Л. 3-9об.
3. Российский медицинский список, изданный Управлением Главного Врачебного инспектора Министерства Внутренних Дел на 1916 год. Петроград, 1916.
4. Медаль из светлой бронзы с изображением на лицевой стороне шестиконечного креста, попирающего полумесяц, и годами 1877–1878 выдавалась всем участникам военных действий, а также врачам, сестрам милосердия, санитарам, исполнявшим свои обязанности в боевой обстановке.
5. Зодчий. 1904. № 37. С.413–415.
6. Архив УФСБ России по Ростовской области. Д. №-П-13720 (1941 г.)
7. РГИА. Ф. 1343. Оп. 36. Д. 16553; Оп. 49. Д. 1150.
8. Дворянский календарь. Тетрадь 10. Спб : Вирд, 2003. С.41–51.
9. Наумов О. Н. Геральдическая историография России. (XVII – первая половина XX в.). М. : Компания Ритм Эстэйт, 2001. 68 с.
10. Гербовед. 2000. № 8 (46). С. 5–129.
11. После войны многотомный энциклопедический словарь Лярусс Высоцкие продали Ростовской областной научной библиотеке имени Карла Маркса, ныне Донская государственная публичная библиотека.
12. Изъята при аресте.
13. Там находилась внутренняя тюрьма УН КГБ.
14. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Paris : YMCA-PRESS, 1974, Т.4. С. 474.
15. После того, как музей «Архангельское» в 90-е передали от Министерства обороны в Министерство культуры, его двери наглухо закрылись для посетителей. Денег на нужды культуры у государства нет.
16. Дорош Е. Живое дерево искусства. М. : Искусство, 1970. С. 182.